

УДК 316.74:2	Содержание статьи	Информация о статье
DOI: 10.21779/2077-8155-2017-8-1-37-44 <i>В.Х. Акаев</i> ¹⁸	Введение Социально-экономическая политика Е.М. Примакова Религиозный радикализм в Чечне О дерадикализации исламизма Заключение	Поступила в редакцию: 20.10.16. Передана на рецензию: 29.10.16. Получена рецензия: 30.11.16. Принята в номер: 27.12.16.

Социально-экономические факторы дерадикализации ислама на Северном Кавказе (анализ воззрений Е.М. Примакова)

Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН; akaiev@mail.ru

Радикализация ислама на Северном Кавказе объясняется рядом социальных факторов, которые определили на десятилетия вперед экономическую, политическую, духовно-культурную жизнь людей. И прежде всего эти процессы связаны с горбачевской перестройкой, декоммунизацией советской идеологии, распадом СССР, проникновением в регион исламистских групп, придерживающихся салафитско-ваххабитской идеологии и практики. Религиозная деятельность этих групп (джамаатов) в регионе первоначально носила просветительский характер, они создавали исламские школы, где изучались Коран и хадисы пророка Мухаммада, а также разъяснялась суть «чистого ислама» времен праведных халифов. С переходом их на критику традиционного для региона ислама, особенно его суфийской формы, в исламской умме начались конфликты вплоть до кровавых столкновений. Такая политическая радикализация ислама – это следствие попыток очищения местного ислама салафитскими джамаатами и их неприятия со стороны традиционалистов.

Для дерадикализации деятельности исламистских группировок, с точки зрения Е.М. Примакова, необходимо успешное социально-экономическое развитие, включение региона в российский контекст. Высказанные им социальные идеи, религиозные терминологии сохраняют свою научную и практическую актуальность и в наши дни.

Ключевые слова: *Северный Кавказ, Дагестан, Чечня, ислам, ваххабизм, салафизм, радикализм, экстремизм, исламофобия, дерадикализация.*

UDC 316.74:2	Content of the article	Information about the article
DOI 10.21779/2077-8155-2017-8-1-37-44 <i>V.H. Akaev</i> ¹⁹	Introduction. Socio-economic policy of E.M. Primakov. Religious radicalism in Chechnya. About de-radicalization of Islam. Conclusion.	Received: 20.10.16. Submitted for review: 29.10.16. Review received: 30.11.16. Accepted for publication: 27.12.16.

¹⁸ *Вахит Хумидович Акаев* – главный научный сотрудник Комплексного НИИ им. Х.И. Ибрагимова РАН, академик АН ЧР, доктор философских наук, профессор кафедры ЮНЕСКО (г. Дербент), эксперт РАН.

¹⁹ *Vakhit Khumidovich Akaev* – Chief Researcher of the Integrated Research Institute named after Kh.I. Ibragimov, Russian Academy of Sciences (RAS); Member of the Academy of Sciences of the Chechen Republic; Dr. Sc. (Philosophy), Professor of a UNESCO Chair (city of Dербent), Expert of RUS.

Socio-economic factors of Islam deradicalisation in the North Caucasus (Yevgeny Primakov's views analysis)

The radicalization of Islam in the North Caucasus is associated with a number of social factors that for decades defined economic, political, spiritual and cultural life. These processes are primarily linked to Gorbachev's perestroika, decommunization of the Soviet ideology, the collapse of the Soviet Union, the penetration into the region of Islamist groups adhering to the Salafi-Wahhabi ideology and practices. Early on, the activities of these groups (*Jamaats*) in the region were confined to religious education: they established Islamic schools, where local people studied the Quran and prophet Muhammad's Hadith; they also explained the essence of "pure Islam" that existed in the times of the holy caliphs. Later, when they began to criticize traditional Islam, particularly its Sufi form, serious conflicts broke out in the Islamic Ummah leading to bloody clashes. Thus, the political radicalization of Islam is a result of attempts to purify local Islam by the Salafi *Jamaats* and their rejection by the traditionalists. According to Evgeny Primakov, successful socio-economic development and the inclusion of the region into the Russian context were needed for the deradicalization of Islamist groups' activities. Primakov's social ideas and his religious terminology preserve their scientific and practical relevance up to this day.

Keywords: *North Caucasus, Dagestan, Chechnya, Islam, Wahhabism, Salafism, radicalism, extremism, islamophobia, deradicalization.*

Введение

Процессы радикализации ислама на Северном Кавказе (в Дагестане, Чечне, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии) начались задолго до назначения Е.М. Примакова Председателем Правительства Российской Федерации и сопряжены с горбачевской перестройкой, приведшей в конечном итоге к распаду СССР. В регион стали проникать нетрадиционные для него исламские течения, именуемые салафизмом, ваххабизмом, представители которых ставили задачу «очищения» местного ислама от заблуждений, возвращения к исламу времен пророка Мухаммада и праведных халифов. Такая позиция была совершенно неожиданной для мусульман региона, а также для официального духовенства, которое придерживалось исторически сложившихся традиций и не допускало возможности поменять как свои идейные, догматические, так и ритуальные позиции.

Заметная активность сторонников «чистого ислама» фиксируется в конце 80-х – начале 90-х годов в Дагестане, и она сопряжена с религиозно-политической деятельностью Багаудина Кебедова, проповедовавшего «чистый ислам», создавшего исламские школы, где обучалась чтению Корана молодежь из республик Северного Кавказа. Идеология и практика ваххабизма приобретает ярко выраженный характер в ходе первой войны на территории Чечни-Ичкерии и после захвата 6 августа 1996 года г. Грозный боевиками во главе с А. Масхадовым.

Именно при поддержке А. Масхадова, З. Яндарбиева, И. Халимова, М. Удугова и других были созданы «военно-полевые суды», укомплектованные ваххабитами, занявшими ключевые позиции в «армии Масхадова», а позже и в его правительстве. С августа 1996 года они осуществляли судопроизводство на основе шариата. «Шариатские судьи» проходили ускоренное обучение в Исламском центре (г. Гудермес), организованном Б. Кебедовым, который перебрался в Чечню после того, как он был силовыми структурами выдвинут из Дагестана за радикалистско-экстремистскую деятельность. И. о. Президента Ичкерии З. Яндарбиев, преследовавший цель полной шариатизации Чечни и хорошо знавший Б. Кебедова, патронировал подготовку шариатских судей²⁰.

²⁰ Подробнее см.: *Акаев В.Х. Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе.* – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004. – С. 183.

Ваххабиты в Чечне, как и в целом в регионе, добивались духовного, социально-политического доминирования, вытесняя из активной общественной, духовной жизни представителей местного традиционного ислама, объявляя их приспособленцами, угодниками светской власти, сторонниками «кафира». Активную роль в реализации стратегической задачи ваххабитов – построения «кавказского халифата» – сыграл З. Яндарбиев. Надо признать, что без его поддержки ваххабиты в Чечне не смогли бы закрепить свои позиции. З. Яндарбиев, Б. Кебедев, И. Халимов, М. Удугов были связаны с идеями исламизма с момента создания «Исламской партии возрождения» (ИПВ) в 1990 году в г. Астрахань.

Социально-экономическая политика Е.М. Примакова

Чтобы понять, в каких условиях приходилось принимать решения по дерадикализации ислама на Северном Кавказе, следует прежде всего обратить внимание на задачи, стоящие перед кабинетом Е.М. Примакова, по выведению из глубокого социально-экономического и политического кризиса Российской Федерации в целом.

Решение данной проблемы Е.М. Примаковым виделось в «коррекции федерализма». Несмотря на то, что за плечами был опыт Советского Союза и РСФСР, возврат к которому был абсолютно невозможен, федерализм де-факто являлся «двойной гарантией для России – и в плане сохранения и укрепления ее единства, и в деле развития демократической политической системы, исключая произвол как центральных, так и региональных властей» [6]. Поскольку опыт других государств по федерализации территории не подходил для российских реалий, Е.М. Примаков определяет ряд проблем, решение которых способствовало бы успешному федеральному строительству [6]:

1) Создание реальной «вертикали» исполнительной власти, основанной на сочетании четкой дисциплины с отношениями партнерства и взаимного уважения конституционных прав каждого уровня власти [6]. В тот период отсутствовало четкое разделение функций, не были определены компетенции и ответственность каждого из уровней власти, а полномочия губернатора, мэров областных городов или президентов национальных республик по сосредоточенной в их руках власти были сопоставимы с правами «удельных князей». В связи с этим представлялось необходимым введение на всех уровнях органов местного самоуправления большей их ответственности перед федеральными органами через принятие законов, позволяющих отстранить даже избранных деятелей, противодействовавших Конституции или законов Российской Федерации [6].

2) Предлагалось постепенное совершенствование договоров в двух направлениях: более четко прописывались вертикальная линия исполнительной власти и горизонтальная линия, сближающая все субъекты Федерации в их правах и обязанностях, по примеру Республики Татарстан.

3) Сохранение единого общероссийского экономического пространства при большей экономической самостоятельности субъектов Федерации. Искусственные преграды, создаваемые на административных границах, препятствующие свободному передвижению внутри страны продовольствия, товаров и услуг (в том числе практикуемый в тот период запрет на вывоз за пределы субъектов Федерации зерна, мясопродуктов и других товаров), были связаны как с экстраординарными событиями в стране, так и с разницей в ценах, являлись не чем иным, как «симптомом сепаратизма».

4) Четкое установление соотношения между собственностью федеральной, региональной и муниципальной. Для этого требовалось повышение эффективности производства, создание лучших условий для функционирования различных предприятий и учреждений [6]. В каждом конкретном случае предполагалось рассматривать возможности участия местных властей (региональных и муниципальных) в управлении или в акционерном капитале принадлежащих государству предприятий и учреждений.

5) Регулирование соотношения финансовых потоков из центра и из субъектов Федерации. Практика трансфертов, т. е. переводов из федерального бюджета в бюджеты дотационных субъектов РФ, показала свою несостоятельность, поскольку не удалось в основе расчетов положить реальные доходы на душу населения, стоимость потребительской корзины, а также географические, инфраструктурные и иные особенности того или иного региона. Дотационным субъектам предлагалось получать на определенное число лет фиксированную ставку для пополнения доходной части федерального бюджета, составляющую разницу между двумя встречными финансовыми потоками (трансфертами и налоговыми отчислениями в госбюджет), установленную как средняя за предшествовавший срок. Заработанные сверх того доходы должны были оставаться в распоряжении региона и служить развитию его экономики. Но эту схему не поддержали в центре, в том числе в правительстве. Во время выборов в Госдуму «в конце 1999 года кремлевская администрация имела возможность использовать трансферты, бюджетные ссуды в качестве средства давления на руководителей республик, областей, краев, заставляя их организовывать выступления против или в поддержку определенных движений и партий» [6]. Инвестиции из федерального бюджета, по мнению Е.М. Примакова, должны были выравнивать сложившуюся территориальную диспропорцию уровня социально-экономического развития. На местах хотели больших полномочий по расходам, но нужно было говорить и о полномочиях по доходам, об ответственности за их пополнение. Нужны были единые правила формирования доходной части бюджетов, обеспечивавшие «прозрачность» методики их составления. Только на основе этого можно было нормализовать встречные финансовые потоки, призванные стать кровеносными сосудами единого организма.

6) Требовалось укрепить центростремительные процессы в России совместными усилиями федерального центра и субъектов. В этот период имелось около 30 территориальных претензий ряда регионов друг к другу. В течение многих лет говорилось о моратории на пересмотр административных границ, но он не был оформлен в законодательном порядке. Межрегиональные конфликты, приводящие к дискриминации граждан по национальному признаку, порождали потоки беженцев и переселенцев, их стихийное расселение в прилегающих регионах. Это ухудшало и без того трудные социально-экономические условия местного населения. Требовалось повысить ответственность руководителей субъектов Федерации в улучшении положения беженцев.

7) Е.М. Примаков предлагал в перспективе административно укрупнить некоторые субъекты России, что и было сделано уже при В.В. Путине. В тех условиях акцент делался на развитие горизонтальной экономической интеграции регионов и создание межрегиональных ассоциаций.

Религиозный радикализм в Чечне

Социально-экономическими проблемами Северного Кавказа, в частности Чечни, Е.М. Примаков целенаправленно стал заниматься в связи с назначением его на пост Председателя Правительства России в 1997 году. В ходе его встречи с А. Масхадовым в г. Владикавказ 29 октября 1998 года обсуждались концепция суверенитета Чечни при сохранении общего финансового, военного и образовательного пространства с Россией, вопросы выплат пенсий, пособий, восстановления целого ряда предприятий. Также обсуждался вопрос по выплатам компенсации гражданам Чеченской Республики, подвергшимся депортации в 1944 году, в соответствии с российским законодательством. Анализируя деятельность А. Масхадова, Е.М. Примаков видел его вину в том, что он «дал, но не мог выполнить обещание избавиться от собственных «террористов» [3].

Размышляя о формуле взаимоотношений России с Чечней, Е.М. Примаков отстаивал мирный путь разрешения конфликта. Решительно выступал против военного пути

его решения, заявляя, что нужно учитывать прошлый опыт, он добивался сохранения Чечни в границах России [3]. Между тем этого хотела и преобладающая часть населения Чечни, не разделявшая идеи сепаратизма.

В своей книге «Мысли вслух» Е.М. Примаков сформулировал причины радикализации ислама, опирающейся на разбалансирование «межнациональных и межконфессиональных отношений в России» [4, с. 173], росте влияния ислама как объективного процесса, а также исламизации как глобального феномена, воздействующего на Северный Кавказ. Считая ошибочным абстрагирование от влияния взрывного подъема мирового ислама на положение на Северном Кавказе, он отмечал, что подъем исламизма на Северном Кавказе обладает рядом своих особенностей. Далее им констатируется, что «у нас на Северном Кавказе остроту приобрела вооруженная борьба «боевиков», ставящих своей целью исламизацию существующих государственных структур» [4, с. 173].

Описываемый период связан с ситуацией, сложившейся после первой войны в Чечне, когда ваххабиты-боевики преследовали цель не только исламизации гоструктуры, они стали навязывать шариат всему чеченскому обществу. В октябре 1996 г. в Чечне был издан указом и. о. Президента Ичкерии о введении «Уголовного кодекса шариат», распущены светские суды, создан Верховный и районные шариатские суды, начавшие осуществлять судопроизводство на основе этого уголовного кодекса, что продолжалось до конца существования режима А. Масхадова. Текст этого документа являлся калькой Уголовного кодекса государства Судан, разработанного спикером парламента этого государства Хасаном ат-Тураби. Но в самом государстве Судан этот уголовный кодекс не был тогда принят. В Ичкерии же он был официально утвержден, и на его основе осуществлялось шариатское судопроизводство. Этот процесс достаточно полно описан в научной литературе²¹.

Е.М. Примаков высказывал мысль о том, что уход в лес преобладающего большинства молодых людей не был вызван поголовно «распространенной версией – мезтью за погибших близких родственников» [4, с. 174]. Однако признание этой версии все-таки не случайно, поскольку оно основано на конкретных примерах, хотя имеются факты и иного рода, объясняющие уход молодых людей в лес. И все-таки это было сопряжено не столько с нежеланием мириться с коррупцией и беззаконием [4, с. 175], а в значительной степени с религиозной пропагандой, настраивавших молодежь против России националистической идеологией, призывавшей к борьбе за независимость, освобождение от имперского влияния. Но при этом имело место и финансирование уходящих в лес молодых людей.

По мнению Е.М. Примакова, на мусульман, являющихся меньшинством и в Европе, и в России, оказывает влияние «подъем исламизма в мире». В этих двух регионах отличаются друг от друга и мотивы, и формы борьбы исламистов [4, с. 175]. Утверждается, что руководства государств мусульманского Востока (например, Саудовской Аравии, Египта, ОАЭ, Катара, Кувейта, Сирии, Иордании), «можно и нужно рассматривать как потенциальных союзников, способных теми или иными мерами помочь в борьбе с исламским джихадизмом на Северном Кавказе» [4, с. 176].

На Северном Кавказе, особенно в Дагестане, как пишет Е.М. Примаков, и продолжают действовать несколько сотен вооруженных молодых людей, осуществляя теракты

²¹ Подробнее см.: *Акаев В.Х. Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе. Конфронтация или компромисс? – Махачкала, 1999; Акаев В.Х. Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе. – М., 1999; Акаев В.Х. Суфизм на Северном Кавказе: теоретические и практические аспекты. – Грозный, 2011.*

против власти и населения. Однако трудно согласиться с утверждением, что большая часть местного населения втайне сочувствовала этим бандитам [4, с. 176–177]. С нашей точки зрения, такой поддержки бандитов и террористов на Северном Кавказе не было и нет, ибо преобладающая часть населения региона против них, но она не могла что-либо предпринять против вооруженных бандитов, расправляющихся с мирными жителями, традиционным духовенством. А вот установившаяся власть, например в Ичкерии, оказалась не в силах защитить население.

Подчеркивая разные аспекты радикалистских и экстремистских проявлений под прикрытием исламских лозунгов, Е.М. Примаков использует терминологическое многообразие: «исламизм», «исламысты», «исламизация», «экстремизм в исламском движении», «исламские экстремисты», «ваххабитский режим» [4, с. 177]. В отечественной литературе используется следующая терминология: «радикальный ислам», «исламский фундаментализм», «исламский экстремизм», «исламизм»²². В одном из академических трудов присутствует масса терминологических новаций: «исламская глобализация», «идеальный ислам», «глобальный ислам», «универсальный ислам», «молодые джамааты», «новый ислам», «правильный ислам», «официальный ислам», «неофициальный ислам», «политический ислам» [5, с. 607–629]. В силу их произвольного употребления трудно найти четкие дефиниции и выявить содержательно-смысловые аспекты этих терминов.

В одной из работ вводится понятие «радикальный политический исламизм», но что он означает, авторы не могут понять, а потому пытаются представить его как «исламыстский радикализм», явление политическое, «интегральную революционную идеологию, на базе которой формируется самоподдерживающаяся социальная антисистема» [1, с. 43]. Эти термины, вносящие большую путаницу в научный дискурс, в значительной степени идеологизированы, политизированы и не вполне корректны. Необходимость в новых терминах безусловно существует, особенно в условиях исламского активизма, нынешнего далеко не мягкого соприкосновения исламского и христианского миров. Употребляю термин «соприкосновение», дабы избежать хантингтоновского «столкновения цивилизаций». Исламский ревивализм в современном мире, мобильность и активизм ислама, широкое его распространение требуют нового осмысления, выработки адекватного терминологического, понятийного аппарата, имеющего как догматическую, так и научно-теоретическую основу, опирающуюся на научное исламоведение. Именно на это обращает внимание Е.М. Примаков в целом ряде своих аналитических работ, отражающих современные политические процессы, происходящие в исламском мире.

Следует дать четкие определения каждого из этих терминов, их содержательных аспектов, но в силу отсутствия строго научного подхода складывается впечатление, что порою исследователи вводят в научный оборот понятия, далеко не всегда адекватно выражающие сложные, противоречивые процессы реальности, сопряженные не столько с внутренними религиозными процессами, сколько с социально-экономическим, геополитическим, глобальным контекстом.

²² Подробнее см.: *Акаев В.Х. Исламский интегрим и традиционализм в условиях демократии // Свобода совести в России: исторический и современные аспекты. Сб. статей. Вып. 5. – М.: Российское объединение исследователей религии, 2007. – С. 383.*

О дерадикализации исламизма

Процесс дерадикализации религии, установления политической стабилизации на Северном Кавказе, с точки зрения Е.М. Примакова, предполагал длительную борьбу, в которой нельзя ограничиться только отстрелом главарей бандформирований в регионе. Власти и обществу предлагалось сконцентрироваться на активном решении социально-экономических проблем отсталых республик Северного Кавказа. С его точки зрения, строительство новых производственных объектов связывалось с приездом на Северный Кавказ высококвалифицированных специалистов из других регионов России, преимущественно русских, а также с совместной деятельностью с местной молодежью, вовлечением ее в созидательный процесс, подготовкой местных кадров для работы в создаваемых предприятиях [5, с. 177].

Важную роль в противодействии исламистским проявлениям должно сыграть развитие научного исламоведения в России. Между тем это предполагает применение объективных, адекватных приемов и методов исследования ислама, что особенно важно при изучении терминов, связанных с отражением социальных, политических, культурных, духовных процессов, происходящих в мусульманском мире, а также в странах, где мусульмане составляют меньшинство. У значительной части западных востоковедов, исламоведов отсутствуют их ясное осмысление, четкие определения, лишённые политической ангажированности. Произвольное употребление исламских терминов внесло немало путаницы в процесс их применения.

Следование «теоретико-методологическим новациям», продуцируемым в англо-американских лабораториях, исследующих ислам, мусульманский Восток, приводит к искажению сущности процессов, происходящих в мусульманском мире. Отечественные исследователи иногда искусственно переносят эти новации на бытование мусульман в России. Такая методика не проясняет сути проблемы, а основательно запутывает её.

В этом отношении показателен анализ политических процессов в исламе в России, её регионах, осуществленный А.В. Малашенко. Он предпринимает попытку разграничить понятия исламизм, интегрим, фундаментализм, политический ислам, ваххабизм, джихадизм, рейвавализм. Не прослеживается связь между этими терминами. Но дается определение термина «исламизм» как одного из множества терминов, выражающего «политическую активность под эгидой религии» [2, с. 46]. Все перечисленные термины, надо полагать, относятся к процессу политической активизации ислама, но при этом, как представляется, каждый из них должен быть разъяснен, должно быть четко определено его содержание, чего не скажешь в данном случае.

Е.М. Примаков также пытался разграничить понятия «исламский фундаментализм» и «исламский радикализм» [4, с. 407]. Предложенная им интерпретация такова: первый термин соответствует ситуации строительства мечетей, активного отправления исламских обрядов, оказания взаимопомощи верующим, но когда первое явление приобретает агрессивную, экстремистскую форму, то происходит радикализация, то есть навязывание силой исламской модели управления государством и обществом. Между тем такая трансформация ислама означает отказ от своего фундамента, корней. И в этом случае ислам не является религией мира, согласия, созидания, социальной справедливости. Он трансформируется в экстремизм, перерождается в насилие, лишаясь своей фундаментальной основы и связанных с ней ценностей, утверждающих мир, согласие, милосердие, духовное совершенство.

Заключение

Активное противодействие религиозному радикализму предполагает использование комплексных мер (как на региональном, так и на государственном уровне), направленных на основательно продуманные идеологические, правовые, а в целом и социокультурные воздействия. Здесь важно объединение как исследователей, изучающих процессы исламского радикализма и экстремизма, так и практиков, специалистов, могущих определять социально-психологические факторы, детерминирующие эти явления, вырабатывая адекватную систему, способную активно противостоять девиантным социальным явлениям.

Также представляется необходимым разработка системы адекватного анализа терминологического аппарата, часто некорректно продуцируемого зарубежными и отечественными исследователями, изучающими ислам в контексте политических процессов. При этом важно провести демаркационную линию между исламом и радикализмом, экстремизмом, терроризмом, не имеющими к нему отношения.

Литература

1. Карта этнорелигиозных угроз. Северный Кавказ и Поволжье / Институт национальной стратегии. – М., 2013.
2. Малащенко А.В. Исламская альтернатива и исламистский проект. – М., 2006.
3. По итогам встречи во Владикавказе Е.М. Примакова... // prohistory.ru <http://prohistory.ru/ru/chronics/event/659>.
4. Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Российская газета, 2012.
5. Примаков Е.М. Мысли вслух. – М., 2011.
6. Примаков Е.М. «Восемь месяцев плюс...». – М.: Мысль, 2002. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.litmir.co/br/?b=264376&p=1>.
7. Этничность и религия в современных конфликтах. – М.: Наука, 2012.

References

1. *Karta etnoreligioznykh ugroz. Severnyi Kavkaz i Povolzh'e*. [Map of Ethno-Religious Threats. The North Caucasus and the Volga region] Institut natsional'noi strategii. Moscow, 2013.
2. Malashenko A.V. *Islamskaya al'ternativa i islamskii proekt*. [Islamic Alternative to the Islamic Project.] Moscow, 2006.
3. *Po itogam vstrechi vo Vladikavkaze E.M. Primakova...* [Following the Vladikavkaz Meeting of Yevgeny Primakov...] Prohistory.ru <http://prohistory.ru/ru/chronics/event/659>.
4. Primakov E.M. *Konfidentsial'no: Blizhnii Vostok na stsene i za kulisami (vtoraya polovina XX – nachalo XXI veka)*. [Confidential: the Middle East on Stage and behind the Scenes (Second Half of the 20th – Early 21st Century).] 2-e izd., pererab. i dop. Moscow, Rossiiskaya gazeta, 2012.
5. Primakov E.M. *Mysli v slukh*. [Thoughts Aloud] Moscow, 2011.
6. Primakov E.V. «*Vosem' mesyatsev plus...*» [“Eight Months Plus...”] Moscow, Mysl', 2002 g. URL: <https://www.litmir.co/br/?b=264376&p=1>.
7. *Etnichnost' i religiya v sovremennykh konfliktakh*. [Ethnicity and Religion in Contemporary Conflicts.] Moscow. Nauka, 2012.